

22.06.98

207

Культура. — 1997. — 22 марта. — с. 5.

Сколько сахара класть в чай?

Фото Г. РОСПА

Ньюганен Элмо

35-летний Элмо НЮГАНЕН уже несколько лет числится в премьерях эстонской режиссуры. Его "Ромео и Джульетта" были отмечены на фестивале в Эдинбурге. "Три мушкетера" названы лучшим спектаклем прошлого сезона. Чеховская "Пианола" ("Механическое пианино") удостоена Гран-при на "Балтийском доме" и второй премии в польской Торунь. Билеты на "Пианолу" проданы едва ли не на год вперед, и это наводит на мысль, что главный режиссер Таллинского городского театра знает ответ на сакраментальный вопрос: что же нужно сегодня зрителю?

Нет, не знаю... Я могу только предположить, что, во-первых, думать об этом не надо. Хотя, говоря так, конечно, лукавлю. Просто меня это не волнует в обычном понимании. Но раз я живу той же жи-

знью, что и зритель, значит, проблемы совпадают и остается быть только честным перед ним и перед собой.

Мой учитель Вольдемар Пансо говорил: "Не надо целый день сидеть в библиотеке, там о жизни узнаешь немного. Понять жизнь можно только среди людей". Дело, разумеется, не в библиотеках и не в книгах, которые читать все-таки надо, а в открытости к миру за порогом театра. Наконец, мне кажется, сама постановка вопроса о том, что требуется зрителю, не очень корректна: не стоит кому-то что-то навязывать, может, самое главное, что мы получили от прошедшего времени — это возможность выбирать.

— Вас персонально пригласили принять участие в летнем проекте, когда в усадьбе Мелихово четыре режиссера из четырех стран в рамках ежегодной лаборатории, посвященной творчеству Михаила Чехова, поставят по одному акту "Чайки".

— Вот, кажется, и возможность поставить точку, которой не хватило при ответе на предыдущий вопрос. По-моему, искусство должно сейчас сопоставлять себя с тенденциями, которые начали возникать в обществе. Не конкретно в эстонском или российском, а вообще в постсоветском пространстве. В мире они появились давно, до нас только доходят.

Сейчас вокруг так много заманчивого, того, что блещит. И самое трудное — найти среди всего, что блещит, настоящее золото. Мишурой пусть занимаются в Голливуде, там это умеют делать хорошо, здесь нам их никогда не догнать. Странная вещь, к нам пришло много яркого, броского, слепящего, а людей тянет за город, и за глоток чистого воздуха они отдадут все кондиционеры мира. И псевдочувства, псевдомысли сегодня тоже не в цене. Театр, как ничто другое, должен ощущать эту тягу к настоящему. Отчего мы тоскуем обычно? От нехватки чего-то или кого-то рядом.

И Антон Павлович Чехов, коль скоро мы заговорили о мелиховском проекте, опять будет с нами удивительно кстати.

Чехов образца 1997 года удивительно похож на Чехова, который сто лет назад писал свою "Чайку". Мне кажется, я понимаю, почему он тогда сел и написал именно эту пьесу. Тогда один век тоже сменялся другим, теперь мы стоим даже на пороге нового тысячелетия. Тогда в жизнь тоже входило, подминая под себя все, что-то новое — наступал век индустриализации, железных дорог, шли под топор вишневые сады. Сейчас происходит то же самое, только масштабы стали другими, глобальными.

— Вам кажется, Чехов видел опасность в переменах?

— Насчет опасности не знаю, но, конечно, он сожалел о происходящем. Это не значило, что он был против нового, но, увы, его приход всегда сопряжен с утратами, с потерями. Сейчас тоже нельзя сидеть, как три сестры, и говорить только: "В Москву! В Москву!", нельзя лишь желать чего-то, ничего не предпринимая. Но в своих "Трех сестрах" Чехов не о том же писал, что Ольга, Маша и Ирина не собрали чемоданов и не поехали в Москву. Он размышлял о том, почему так и не получилось собрать эти чемоданы, почему стремление к лучшему, к новой жизни обернулось крахом, почему все кончилось заклиниванием: "Если бы знать, если бы знать..." Хотя здесь все равно есть надежда, иначе это был бы не Чехов...

— Элмо, вы постоянно отказываетесь от самых лестных предложений о постановках и дома, и за рубежом ради спектаклей в своем театре. Тем не менее мелиховское приглашение приняли.

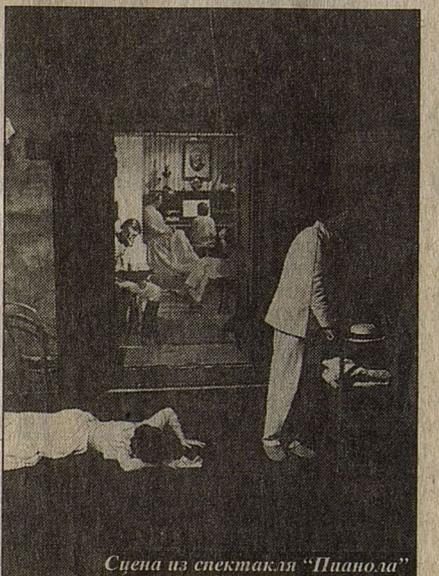
— Действительно, я мало ставлю вне своего театра, мы еще не успели надоесть друг другу, я — артистам, артисты — мне. И потом, человек не в силах сделать все, что ему хочется. В этом конфликте я всегда на стороне ладно скроенной работы. Я вообще не очень продуктивный режиссер. Ставлю быстро, но думаю долго. Не знаю, хорошо это или плохо — просто констатирую. Моя воля — ставил бы один спектакль в сезон, а, может, и в два сезона. Знаете, можно бросить в чай одну ложку сахара — и размешивать, размешивать, а чай все равно будет полусладким да к тому же и остынет быстро. А можно бросать одну ложку, вторую, третью, пятую, и

потом уже не надо размешивать, легко взболтнул и чай станет сладким. Это мне нравится больше — копить, набирать, еще набирать. Что же касается Мелихова — то это будет мой отпуск, а главное — идея замечательная. И замысел уже есть. Уже точно знаю, что хочу сделать.

— Какой из четырех актов "Чайки" вам бы хотелось поставить?

— Знаю, но не скажу. Не хочу испытывать судьбу, все зависит от жребия, вдруг улыбнется.

Вел беседу
Николай ХРУСТАЛЕВ

Сцена из спектакля "Пианола"